

0: РАЗГОВОР О МЕРОШЕВСКОМ

Мариуш Кубик: Книга «Письма с острова. Азы политики “Культуры”» Юлиуша Меровшевского, о которой мы хотим сегодня поговорить, открывает новую серию «В кругу парижской “Культуры”», в рамках которой будут переизданы самые важные книги, выпущенные в 1947-2000 гг. «Институтом литератким» Ежи Гедройца в Мезон-Лаффите.

Юлиуш Меровшевский, до войны — публицист краковского «Иллюстрированного ежедневного курьера», во время войны — военнослужащий II корпуса армии Андерса, в рядах которого он познакомился с Гедройцем, а после ее окончания — эмигрант, осевший в Лондоне. Сторонясь в частном порядке от публичной «светской» жизни, он принял для себя позицию асоциального отщепенца, для которого, как говорил по прошествии лет Ежи Гедройц, существовали собака, сочинительство для «Культуры» и Инка, его вторая жена. Хотя его статьи появлялись в таких лондонских эмиграционных газетах, как «Ожел бялы» («Белый орел») и «Вядомости», именно сотрудничество Меровшевского с «Культурой», начатое в 1950 г., составило и для нее, и для него перелом.

Сам он, как мы знаем, никогда не состоял в редакции «Культуры». И вплоть до своей смерти в 1976 г. не покидал Великобританию. Несмотря на это представляется, что без него «Культура» не стала бы мощным голосом эмиграции, формирующим ее мнения. Он был ровесником Гедройца (оба родились в 1906 г.), и именно с ним Меровшевского соединила интеллектуальная связь, причем не только на страницах журнала, но и в переписке.

Гжегож Гауден (Институт книги): Иногда я сталкиваюсь с мнением, что политическая концепция, которую создала парижская «Культура», уже по существу неактуальна, так как мир пошел в другую сторону. В обильном потоке явлений, в которых политический оппортунизм называют политическим реализмом, нам необходимо возвращаться к тем речам, которые вели Гедройц и Меровшевский. В том числе и поэтому мы планируем издать самые важные публикации парижской «Культуры». В ближайшие годы думаем о двух книгах ежегодно. Будем печатать не только отобранные произведения одного автора, но хотим также издавать монографии, например хотя бы «Католическая Церковь в публикациях парижской “Культуры”» или «Украина в публикациях парижской “Культуры”».

Мариуш Кубик: В чем причина того, что тексты Меровшевского по-прежнему столь важны в интеллектуальных и публичных дискуссиях? Ваша первая подборка текстов Меровшевского — я обращаюсь к Рафалу Хабельскому — вышла в 1997 году. Что в этих текстах важно сегодня, спустя пятнадцать лет?

Рафал Хабельский: Думаю, что существенны две вещи. Прежде всего — способ понимания Меровшевским публицистики. В его основе — желание добраться до сути проблематики, связанной с вопросом, что надо сделать, дабы политическая ситуация в Польше — а этот вопрос приобрел актуальность после 56-го года — изменялась в интересах польского общества. Но вместе с тем — еще и жажда того, чтобы эта публицистика служила стимулом для таких изменений. Кроме того, он попросту превосходно писал, умел формулировать мысли таким способом, который доступен, как мне представляется, очень широкой группе читателей. «Культура» была элитарным журналом, но творческая манера Меровшевского не является трудной. Не всё из того, что он писал, приходилось по душе Гедройцу и авторам, публиковавшимся в «Культуре». То, что оно не нравилось коммунистическим властям, более чем очевидно. Но оно не нравилось и в Лондоне тоже. И обратите внимание, что по творчеству Меровшевского этого не видно. Он не чувствует себя обязанным полемизировать, дискутировать со своими оппонентами, а если дело и доходит до таких дискуссий, то очень редко. Сердцевина его литературной деятельности — ответ на вопрос, что следует сделать, дабы все это начало меняться, эволюционировать из чего-то недемократического в нечто демократическое.

Второе из достоинств, которое я здесь вижу, — это пристальное внимание к восточному вопросу. Если присмотреться к программе УЛБ («Украина-Литва-Белоруссия»), содержащейся в этом писательстве, то можно выдвинуть следующий тезис: польская внешняя политика после 1989 г. представляет собой развитие и продолжение концепции Гедройца и «Культуры», хотя оказывается, что сегодня она не складывается таким образом, как нам бы хотелось, особенно в отношениях с Литвой.

Меровшевский — это человек, который, невзирая на свое помещичье происхождение, в сфере идей ведет родословную от либерально-демократической традиции. Способ его мышления формируется убежденностью в

том, что те вещи, которые случились с Европой и Польшей в 1945 г., требуют анализа более глубокого, чем поверхностная оценка политического финала Второй Мировой войны, сводящаяся к тезису, что часть Европы оказалась под влиянием Советского Союза и всё, что мы намереваемся делать, обусловлено этим фактом. Одновременно я также замечаю здесь нечто новое — убеждение, что о современности нельзя думать в категориях прошедшего времени. Прошлое существенно, однако продолжение, непрерывность в смысле способа мышления может привести к роковым последствиям, если одновременно недооцениваются те условия, в которых очутилась Польша после 1945-го. Ввиду этого необходимо прибегать к новым решениям.

В публицистике Меровского можно обнаружить целый ряд требований, которые нашли выражение в польской политической жизни после 1976 года. Одно из таких требований, наблюдаемых в его политическом творчестве с начала 1970-х годов, — союз интеллигенции с рабочими. Можно сказать, что в каком-то смысле оно стало пророческим. Меровский был публицистом, который склонялся к тезису, что Советский Союз не сохранится долго, а это означает, что он треснет по национальным швам. Такого же мнения придерживался и Ежи Гедройц. В обоих случаях: если говорить об уверенности в том, по каким путям станет развиваться политическая ситуация в Польше, и в том, какое будущее ожидает Центрально-Восточную Европу, — он был прав.

Мариуш Кубик: Адам Михник неоднократно называл людей «Культуры» визионерами, и меня интересует, что это означало для вас в случае Меровского и каким способом его тексты присутствовали среди вашего поколения?

Адам Михник: Пожалуй, я бы обратился вначале к вопросу об интеллектуальной традиции Меровского. Разумеется, Рафал Хабельский прав, что именно 1945 год был таким водоразделом. Действительно, польскую реальность требовалось обдумать заново. Но ведь те, кто обдумывал ее заново, всё-таки формировались на каких-то книгах. На мой взгляд, здесь существуют две традиции. Рафал Хабельский говорит о либерализме; в Польше либеральная традиция была очень слабой, нишевой, маргинализованной, и Меровский, собственно говоря, не ссылаясь на нее. В нем имелся такой либеральный дух, который мы обнаруживаем в публицистике самых разных авторов. Это не было либеральной традицией в классическом ее понимании. Я бы сказал, что у него встречаются друг с другом две традиции. Традиция современного, просвещенного ягеллонства, означающего большую открытость на восток, встречается с традицией холодного политического анализа, присутствующего в трудах консервативной Краковской исторической школы и у Романа Дмовского. Меровский был человеком исконно антиэндековским, он не выносил эндеков [национал-демократов], но считал, что никто не умел анализировать политическую ситуацию так трезво, как это делал Дмовский.

Существует письмо Гедройцу от Милоша, который прибегает к аналогии с временами Просвещения, Четырехлетнего сейма. В этом письме содержится утверждение, что польскую политику следует ориентировать на конфликт с двумя противоположными моделями мышления. С таким довольно поверхностным имитированием Запада и с сарматством. Коль вы говорите об актуальности, то я бы сказал, что сегодня это в невероятной степени актуально. По той причине, что сегодня — разумеется, это некоторое трагестирование Меровского и всей «Культуры», — сегодня, с одной стороны, нас захлестывает тот постмодернистский вздор, где всё дозволено, но неизвестно, о чем идет речь, а с другой стороны, у нас есть радио-марийный синдром и синдром «смоленской религии», иными словами, всё то, квинтэссенцию чего Меровский видел уже в Лондоне.

Профессор Хабельский прав: Меровский редко вступал в полемику. Зато не до конца правда, что и у Гедройца, и у Меровского устремления ограничивались только анализом. Есть такой текст — не помню, помещен ли он в эту антологию, — где Меровский в какой-то момент пишет (и я тогда воспринимал это как относящееся непосредственно ко мне): «Обращаюсь к той одной тысячной доле людей в Польше, которые хотят что-то изменить, — выйдите с транспарантами с единственным лозунгом: «Требуем свободных выборов», — и мир это поймет». Поэтому мне кажется, что как Гедройц, так и Меровский были устремлены на то, чтобы стимулировать мышление людей в Польше. Одновременно они были весьма недогматичными. И обладали тем сознанием, которое отсутствовало у «непреклонных» из Лондона: что «Мазурку Домбровского» можно играть на очень разных инструментах: и на таком лондонском, и на нью-йоркском, и на том, что из Варшавы, а может быть, и на восточном тоже.

Тем, что носит ключевой характер и что, кроме всего прочего, радикальным образом отличало Меровского и «Культуру» от других эмигрантских группировок до 1968 г., — это их убеждение, что идея возврата к концепции Польши до сентября 1939 г. полностью абсурдна. Более того, они говорили о необходимости ревизовать «закон польскости», и, что характерно, «Культура» в кругах непреклонных лондонцев считалась изданием наполовину большевизмским. Если добавить сюда — и в этом состоит разница между «Культурой» и «Свободной Европой» с Новаком-Езёранским — отношение к католической Церкви, то мы заметим, что имеем здесь дело с двумя

различными точками зрения. Новак считал, что Церковь — это самое важное гнездо сопротивления польского народа советизации. Поэтому не должно быть места критике какого бы то ни было шага епископов, а в особенности кардинала Вышинского, которого Новак, кажется, первый назвал «примасом Тысячелетия». Гедройц, Меровский, «Культура» были достаточно антиклерикальны и недоверчивы. Если смотреть с исторической перспективы, то представляется, что правы были и те и другие. Этот «закон польскости» надо подвергнуть пересмотру, и в указанном смысле я полагаю, что Меровский более чем актуален. Потому что сегодня мы снова задаем себе вопрос, что это значит — быть поляком? Каким, собственно говоря, должен быть стержень, смысл польскости? У нас в Польше есть довольно много людей, которые горластостью маскируют свою бездумность. И эта бездумность хочет считаться патриотизмом. Так вот, бездумный патриотизм представляет собой несчастье. Это очень ясно вытекает из работ Меровского.

Мариуш Кубик: Позволю себе возвратиться к тому, о чем шла речь только что. Наш очередной собеседник, Анджей Менцель, обращал внимание на то — процитирую, — что «в «Культуре» Гедройц и Меровский добивались, чтобы выбор эмиграции не был тождествен эмигрантшине, а ориентация на независимость — освящению утраченного государства; их позиция обращена в будущее, а не в прошлое, их понятие о независимости включает созидание, а не реставрацию. Если невозможно было заставить готовые предпосылки такой позиции, их требовалось создавать, а это всегда ведется методом проб и ошибок; поэтому ошибки неизбежны, но пробы бывают открытием». Мой вопрос состоит в следующем: о чем могли бы узнать из публицистики Меровского сегодняшние сторонники сочетания современности с прошлым?

Анджей Менцель: Первым делом я начну с некоторого дополнения по отношению к тем, кто выступал передо мной. Они справедливо делали упор на нечто такое, что можно назвать восточной политикой или же восточной идеей. Но прежде всего надо сказать, что первый номер «Культуры», который вышел еще в Риме, был тогда, может быть, единственным опубликованным в ту пору в мире журналом, представляющим собой акт веры в Европу. Напоминаю, что это происходило в 1946 г., а значит, у Европы было очень плохое самочувствие, и тех, кто верит в ее будущее, требовалось искать со свечкой. Во Франции у людей было плохое самочувствие, у нас здесь было плохое самочувствие — по известным соображениям, — и так далее. Сие означает, что первая ориентация «Культуры» была европейской в самом лучшем значении этого слова. Второй элемент тоже был в определенном смысле элементом европейским — вначале шла Германия. Первый заграничный посланец Гедройца, Ежи Стемповский, едет в Германию. Одновременно он ищет там контакты с украинской эмиграцией. Гедройц отправляет Стемповского в Германию, а самый важный текст Меровского, напечатанный «Культурой», — это статья «Германия...» (1954), перепечатанная в том числе и по-немецки.

Тем самым перед нами ориентация на всю Европу, и тут важен целостный историко-политический контекст. Второе дополнение таково: изречение Меровского гласит, что в сентябре 1939 г. из старой Европы выпало дно, и нам не к чему спорить, какой год важен: 1939-й или 1945-й, — важна вся та эпоха, которая, с его политической точки зрения, радикально изменяет всю Европу. Можно очень коротко сказать, что это означает следующее: отпало дно, а стало быть, закончился тот «концерт держав», который господствовал на европейском континенте с 1815 г., а Версальский конгресс был неким его возобновлением, и спустя двадцать лет стало видно, как это окончилось. Что всё это необходимо обдумать заново.

Голос из зала: Вена была в Потсдаме.

Анджей Менцель: Вена была также и в Потсдаме. Это весьма интересно, потому что круг «Культуры» был единственным, который не принял свершившихся фактов в качестве окончательно решающих всё, — вероятно, единственным таким кругом в мире. Соединенные Штаты вообще не хотели затрагивать национальных вопросов в Советском Союзе, в тот период они проводили «политику сдерживания».

Теперь мы добираемся до темы «закона польскости». Текст, в котором Меровский приводит его определение, для меня является, пожалуй, важнейшим из его текстов. Осень 1939 г. Ежи Гедройц провел в Бухаресте. По моему личному мнению, там и тогда он осознал, что те вещи, которые случились в 1939 г., повториться не могут, если Польша вообще собирается существовать. Что это означает, что они не могут повториться? В сентябре 1939 г. враждебными нам были не только Германия и Советский Союз — в действительности все соседи оказались нашими неприятелями. Что мы сами и спровоцировали своей досентябрьской политикой. В том числе политикой по отношению к национальным меньшинствам. Так сложилось, что Меровский очень хорошо понимал следующее: политика по отношению к меньшинству — это внешняя политика по отношению к соседу. И поэтому требуется уже сразу, прямо с 1945 г., реформировать то, что Меровский назвал «польским законом». Переломными стали здесь 1950-1951 гг. и стечение нескольких обстоятельств, которые тогда сталкивались между собой. Неизвестно, что должно было найти на Гомбровича в Буэнос-Айресе, чтобы он написал «Транс-Атлантик». По правде говоря, во всей польской литературе того времени не было никакого контекста для

произведения подобного типа. Тогда же Милош принял решение остаться на Западе и написал статью «Нет». Одновременно какой-то ксендз — его фамилия Маевский, и никогда впоследствии он не появился на страницах «Культуры», — опубликовал в ней письмо, посвященное конгрессу Полонии в Атлантик-Сити. Его участники считали, что Львов и Вильно должны принадлежать Польше, — так же, как Вроцлав, Щецин, а вдобавок еще и Кенигсберг. В тот момент окружение Гедройца увидело, что действительно надо положить этому конец, что это безумие. И так оно началось.

Что собой представляет «закон польскости»? Этот термин не означает закона как монашеского ордена (в польском оригинале — *закон*, и это слово практически всегда переводится именно как «монашеский орден». — *Пер.*), но точно так же, как и в русском языке, означает «право». Но какое право? Речь идет здесь не о законодательных установлениях, но о том каноне, который служит нашим внутренним законом, нормирующим формы нашего поведения. В этом вопросе проявляется незаурядность Меровшевского. Он понимает, что необходимо изменить эмоциональные структуры, необходимо начать по-иному ощущать своих соседей и из врагов сделать себе друзей. А когда за этим стоит 500 лет унижений — потому что приблизительно столько их и насчитывается, если вести речь о взаимоотношениях поляков с украинцами, — то сколько же требуется лет, чтобы компенсировать всё это, сколько поколений? В Меровшевском жило очень сильное осознание бремени такой задачи. Работу над изменением существовавшего до сих пор мышления необходимо начинать сию минуту. Нужно полемизировать, спорить и бороться за это, но желаемое не произойдет немедленно.

Мариуш Кубик: Исследованиями продемонстрировано, что публицистика Меровшевского оказывала большое влияние на рост популярности «Культуры» среди польской эмиграции. Журнал увеличил свой тираж, опережая остальные польские периодические издания за рубежом. В 1962 г. читатели «Культуры» признали Меровшевского самым интересным автором. В этом рейтинге он опередил тогда Чеслава Милоша и Ежи Стемповского. По случаю 25-летия журнала Меровшевского отметили премией «Культуры». Чем объяснялось его положение?

Анджей Станислав Ковальчик: Как многие уже упоминали, Меровшевский принадлежит к числу публицистов не только невероятно конкретных, но еще и литературно одаренных. Чтение Меровшевского до сих пор доставляет удовольствие, и в этом смысле он, помимо прочего, являет собой школу красивого литературного польского языка, которому мы все можем у него учиться. Не случайно в приведенном вами рейтинге он расположился столь высоко. Просто люди читали его с удовольствием.

Адам Михник: Но, кроме того, он вызывал еще и бешенство.

Анджей Станислав Ковальчик: Этого он и добивался. Хотя Меровшевский и неохотно вступал в полемику, но умел двумя фразами сразить противника с необычайной меткостью. Он был полемистом высокого класса, который избегал аргументов личного характера.

Рафал Хабельский: Нельзя выдвигать тезис, что творчество Меровшевского и «Культура» были популярны в эмиграции, об этом свидетельствуют цифры. Первая составленная из текстов Меровшевского книга, которую Гедройц издал тиражом где-то около тысячи пятисот экземпляров, еще имела в хранилищах Гедройца вплоть до 1989 года. На родине после 1976 г. Меровшевский стал одним из самых популярных авторов неподцензурных публикаций. Посему я был бы поосторожнее с таким тезисом, что благодаря его участию в «Культуре» журнал становился чем-то другим. Меровшевского действительно читали, но находило ли это отражение в тиражах «Культуры»?

Анджей Станислав Ковальчик: Тираж «Культуры» был беспрецедентным среди эмигрантских изданий.

Рафал Хабельский: Оставаясь низким тиражом. В начале 80-х он доходил до 7 тыс. экземпляров. Зато есть еще другая вещь, о которой мне хотелось бы сказать пару слов, — это его связь, какая-то гармонизованность с Гедройцем, который не был пишущим редактором, что представляет собой нечто феноменальное. Редактор Михник говорил об их переписке, но прошу обратить внимание на переписку за октябрь 56 го, которая даже забавна. Разногласия появляются, когда Гедройц хочет печатать выступления Гомулки, а Меровшевский говорит, что это слишком далеко идущий ход. Между ними идет спор, стоит это печатать или нет, не закроет ли это «Культуре» дорогу к эмиграции? Зато в вопросе о роли самого «польского октября» им нет нужды согласовывать мнения — они это знают.

Адам Михник: Как-то я спросил Гедройца: откуда вы откопали Меровшевского? Ведь перед войной он вообще ничего не значил, писал какие-то там хроникальные материалы в Кракове. Гедройц на мгновение задумался: «Знаете, уважаемый пан Адам, — этот разговор происходил в 1976 г., уже после смерти Меровшевского, — надо делать ставку на людей, которые находятся в безнадежной ситуации; Меровшевский пребывал в сточной канаве,

сидел без денег, никто не хотел его издавать, он не значил попросту ничего, и я решил попробовать, поскольку что-то в этом парне увидел».

Второе мое замечание таково. «Культура» не была в Польше широко известна, она пользовалась популярностью у либеральной элиты. После 1989 г. обнаружилось, до чего поверхностным и хрупким оказалось ее влияние. Элита была гедройцевской, однако же впоследствии быстро оказалось, что огромные секторы нашего общества по существу считают Гедройца большевиком и уж как минимум — масоном. В итоге с «Культурой» дело обстояло так, что для элиты она была безумно важной, так как в ней печатались Герлинг-Грудзинский, Меровский, Милош, Гомбрович, потом Колаковский. Однако весь этот сектор польского мышления не доминировал. Многие люди, в их числе и я, совершили ошибку в оценке польского католицизма. Мы верили, что Церковь — это то же самое, что «Тыгодник повсехный», «Вензь» или «Знак». Оказывается, это не так. Если бы полякам, которые, как известно, любили Войтылу, предстояло самим избирать Папу Римского, то Войтылу они бы никогда не выбрали, а наверно выбрали бы Рыдзика. Так вот, мне кажется, что в этом смысле Меровский по-прежнему остается вызовом — равно как вызовом являются писатели начала XX века: Бжозовский, Жеромский, Выспянский. Они постоянно ставят перед нами вопросы, которые чертовски существенны. Важен прежде всего отказ от имперского мышления — и тут я думаю, что наше общество за те годы, которые прошли после 1989-го, сдало экзамен. Но, во-вторых, нам необходимо отказаться от националистического мышления. Здесь я значительно более скептичен, когда наблюдаю нынешнюю экспансию националистического, шовинистического языка как в изданиях, связанных с Церковью, так и в тех, которые связаны с широко понимаемым лагерем «смоленской религии». На мой взгляд, та группировка, с которой я связывал огромные надежды: Тишнер, Турович, Мазовецкий, Возняковский, — сегодня находится в обороне. И в католическом мире она составляет несомненное меньшинство. А побеждает в том мире тенденция католичества из эпохи Саксонской династии. Короче говоря, нужно поздравить профессора Хабельского с тем, что он сделал Меровского более близким нам. Поздравляю также издателей, так как это именно то, к чему призывал Меровский: плыть против течения и упорно придерживаться своих взглядов — только потому, что они верны. Поступать таким образом трудно, но Меровский и «Культура» были на это способны. Подобным умением обладал также тогдашний противник «Культуры», Ян Новак-Езёранский.

Мариуш Кубик: И все-таки жаль, что радиостанция «Свободная Европа» не передавала текстов Меровского, но еще больше жаль, что они не читаются на радио «Мария».

Славомир Поповский: На меня Меровский оказал огромное воздействие. Шла вторая половина 70-х, и тогда я прочитал его превосходную книгу «Неврозы». Эта книга по сути дела определила мое отношение к той действительности, о которой я должен был сообщать из Москвы в качестве корреспондента. Ее чтение позволяло избавиться от того, что является синдромом Тарговицы, избавиться от того, что представляет собой символ вечного восстания, и увидеть страну такой, какова она на самом деле.

Еще одно мелкое замечание. Думаю, сейчас мы в такой ситуации, когда разные круги пытаются использовать Меровского в своих целях. Я замечаю также апеллирование к нему среди тех, кто провозглашает, к примеру, какую-то новую ягеллонскую концепцию или какую-то новую прометейскую концепцию. Мне такие случаи встречаются.

Анджей Менцель: Если можно высказаться ad hoc, это очень важно, потому что по отношению к тому, о чем также ранее говорил Адам Михник, идея УЛБ — это отнюдь не возобновление ягеллонской идеи: ни Гедройц, ни Меровский так не думали. А думали они следующим образом: избавьтесь именно от этого представления о доминировании, начните быть подлинными партнерами, работайте в пользу партнерства.

Адам Михник: Ну, это нечестно и делается с дурными намерениями, ибо вся философия, мудрость и оригинальность Меровского и Гедройца заключаются в том, что они порвали с некой устойчивой схемой в польском политическом мышлении. Эта схема состояла в том, что либо ты прорусский — это линия Велёпольского-Дмовского, ergo, ты антиукраинский, — либо ты трактуешь УЛБ как территории ирреденты, которая позволит расколоть Россию. А Гедройц был одновременно прорусским и проукраинским, он первый печатал русских диссидентов. Помню разговоры с ним в 1964 году. «Что же творится в этой Польше, дорогой пан Адам, у меня уже шестая рукопись из России, а из Польши ничего нет», — спрашивал он у меня. В этом вопросе сделать из Гедройца русофоба означает доказать, что собака — это кошка; такое попросту невозможно.

Славомир Поповский: Уважаемый пан Адам, полностью согласен. Только проблема заключается в том, что как раз-таки нечто подобное случается.

Адам Михник: Быть может, я невнимательно читаю правых публицистов, потому что в действительности читать их внимательно — это выше выносливости моей нервной системы.

Стефан Братковский: Думаю, что, может статься, и нашу Церковь удастся обратить в христианство.

Адам Михник: Стефан всю жизнь был неисправимым оптимистом.

Записал и обработал Аркадиуш Хабера

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Меня беспокоит, что в нашей стране слишком много энергии уходит на формальности и конфликты вместо реформ. Каким бы большим ни казался перерыв между выборами, закончится он быстро. (...) Одного внутреннего голоса совести недостаточно — важно еще и чувствовать ответственность за принятие решений, влияющих на судьбу целого общества, а не только нас с вами. Политик должен руководствоваться трезвым рассудком, знаниями и чувством ответственности», — президент Бронислав Коморовский. («Впрост», 4-10 марта)
- «У Бронислава Коморовского самый высокий рейтинг доверия — его политику одобряют 70% опрошенных», — по данным февральского опроса ЦИОМа. («Жечпосполита», 19 февр.)
- «Конституция Польши (...) по сравнению с основными законами других европейских стран очень консервативна в вопросах регулирования семьи и брака, — говорит президент Бронислав Коморовский. (...) Президент довел до сведения премьер-министра Дональда Туска, что считает попытку законодательно закрепить институт гражданского партнерства противоречащей конституции, а также подчеркнул, что не хочет оказаться в ситуации, когда ему на подпись поступит законопроект, о неконституционности которого он успел заявить публично. Поскольку в лучшем случае данный закон будет направлен в Конституционный трибунал». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 28 февр.)
- «Конституционалист проф. Петр Винчорек полагает, что гражданское партнерство не противоречит конституции. (...) «В конституции говорится о браке и семье, что не исключает гражданского партнерства как такового. (...) О яслях и детских садах в конституции нет ни слова — однако это не означает, что их не существует», — говорит проф. Винчорек, добавляя, что гражданское партнерство противоречило бы конституции в том случае, если бы для него был характерен тот же круг прав и обязанностей, что и для отношений в браке, и та же степень вмешательства государства в эти отношения». (Рената Грохаль, Павел Бронский, «Газета выбора», 1 марта.)
- «Целых 85% поляков признают гетеросексуальные отношения, в то время, как отношения гомосексуальные — только 32%. (...) При этом 57% утверждают, что к гомосексуальным отношениям необходимо относиться терпимо. (...) Против юридического закрепления гомосексуальных отношений выступает 60% опрошенных, за — 33%. Об однополых браках (речь не идет о фактических брачных отношениях) и слышать не хочет 68% опрошенных, а усыновление детей такими парами является недопустимым для 87%. (...) ЦИОМ, 31 января — 6 февраля». («Газета выбора», 28 февр.)
- «Увы, не только Польшу, но и весь мир облетела реплика Леха Валенсы о том, что общество нужно отгородить от гомосексуалистов каменной стеной. Он умудрился повторить это несколько раз. Он, который вошел в историю, перескочив забор Гданьской судоверфи. Он, разрушивший Берлинскую стену. Может, не ведал, что творит? Его обожало пол-Европы, а кто теперь поддержит бедолагу?». (Станислав Тым, «Политика», 6-12 марта)
- «Если кто-то получил на выборах 3%, то пусть и занимает 3% мест (...) В конце концов, они не являются главной общественной силой. Люди живут, чтобы размножаться и платить налоги. Я ничего не имею против гомосексуалистов и не призываю их преследовать. Но я не хочу, чтобы они себя афишировали и занимали чужие места. (...) Поэтому я и сказал, что гомосексуалисты в парламенте должны сидеть в последнем ряду или даже по ту сторону стены», — Лех Валенса. («Жечпосполита», 7 марта)
- «Президент Бронислав Коморовский созвал Совет Кабинета в первый раз чуть ли не за два года. В 2011 г. на повестке дня была степень готовности к председательству Польши в ЕС. А вчера министры под руководством президента обсуждали вступление в зону евро». («Жечпосполита», 27 февр.)
- «В зоне евро находятся различные группы стран, так что вступление в нее может оказаться как благом, так и злом. Чтобы оно оказалось удачным, нужны реформы, которые Польше и так необходимы, чтобы преодолеть спад темпов экономического развития. А всё потому, что без продолжения реформ ослабнут или останутся слабыми три главные движущие силы развития: снизится уровень трудоустройства, по-прежнему низкой

останется доля инвестиций в ВВП, а также находящиеся уже два года в критическом состоянии темпы повышения эффективности. Меня шокирует, что эта тема почти не затрагивается в политических дискуссиях, будучи одинаково безразличной как правительству, так и оппозиции. (...) Большинство участников дебатов о вступлении в зону евро не понимают одного: успех данного мероприятия зависит от того, сделаем ли мы то, что и так необходимо нам для нашего развития, то есть это нужно сделать, даже если проблемы с зоной евро вообще бы не существовало», — Лешек Бальцерович. («Ньюсуик-Польша», 4-10 марта)

- «Сейм ратифицировал фискальный пакт ЕС. (...) Пакт расширяет контрольные полномочия Брюсселя относительно налогово-бюджетной и экономической политики государств-участников. (...) За ратификацию пакта проголосовало 282 депутата, 155 — было против, один воздержался». («Жечпосполита», 21 февр.)

- «Президент Бронислав Коморовский подписал закон, ратифицирующий фискальный пакт ЕС, направленный на укрепление дисциплины в госфинансах стран, находящихся в зоне евро. (...) Пакт содержит золотое правило бюджетной дисциплины, согласно которому годовой структурный дефицит не может превысить 0,5% номинального ВВП. Данная норма должна быть отражена в национальном законодательстве стран-участников, желательно в конституции». («Польска», 1-3 марта)

- «Многие поляки оценивают наше членство в ЕС с точки зрения соответствующих выгод. (...) Мы ведь на это и рассчитывали — что будем развиваться быстрее, что исчезнет дистанция между нами и странами с действительно высоким уровнем жизни. И в определенной степени это происходит. ВВП на душу населения растет. Польша стала гораздо привлекательней для европейских — и не только — инвесторов. Но хотелось бы, чтобы большинство поляков, большинство сознательных избирателей отдавало себе отчет также и в иных возможностях, а также нуждах, связанных с членством в ЕС. Вряд ли того, кто живет под Хайнувкой, не может не интересовать экологическая ситуация в Китае: сколько китайцы выбрасывают в атмосферу двуокиси углерода. Слабый Евросоюз не только хуже защищает свои интересы, но и не может реально влиять на мировую обстановку, а уж тем более на поведение «больших игроков» — США и Китая; да и собственный прогресс вряд ли возможен, в том числе благодаря вносимому Польшей негативному вкладу. Последствия почувствуют все, и в Польше тоже, и не только мы, но также наши дети и внуки. (...) Нужно проводить политику, рассчитанную на долгую перспективу. Мы в Польше в свое время обозначили себе цель на ближайшие несколько лет — вступление в НАТО и ЕС, а также создание демократического государства. Этого мы достигли. Но сегодня, как и вся Европа, начинаем топтаться на месте, путаясь в собственных штанах», — Лешек Бальцерович. («Политика», 18-19 февр.)

- «Экономический рост в Польше в будущем году может превысить 1,2%. Так оценивает перспективы польского ВВП Европейская комиссия, — заявил премьер Дональд Туск». («Жечпосполита», 22-24 февр.)

- «ВВП — сравнительно простой показатель стоимости произведенных продуктов и оказанных услуг в данной стране за определенное время. (...) Польский ВВП растет, но растет уже довольно медленно (2% в 2012 г., 45-е место). Евростат, наряду с ВВП, приводит и другой показатель — ФИП (фактическое индивидуальное потребление). Он рассчитывается (...) исходя из стоимости продуктов и услуг, но не произведенных экономикой страны, а потребленных среднестатистическим домашним хозяйством. (...) Уровень нашего ФИП составляет 70% от среднеевропейского, а уровень ВВП на душу населения — 65% от среднеевропейского. Индекс развития человеческого потенциала HDI (Human Development Index) охватывает три элемента — кроме ВВП на душу населения, это средняя продолжительность жизни и средняя продолжительность обучения детей и молодежи (Польша на 39 м месте). Международный индекс счастья (Happy Planet Index) также включает объем ВВП на душу населения, но к нему добавляются субъективная удовлетворенность жизнью, рассчитываемая на основании данных опросов, и так называемый «экологический след» (степень воздействия человека на среду обитания), который рассчитывается на основании количества природных ресурсов, потребляемых среднестатистическим жителем страны. (...) Польша занимает здесь только 71-е место, но Европа в целом выглядит не наилучшим образом. (...) The-where-to-be-born Index, то есть индекс «Где лучше родиться», включает целых 11 критериев, и это не только фактические данные, но и прогноз на 2030 г. (Польша находится на 33 м месте)», — Цезарий Кованда. («Политика», 13-19 февр.)

- «Средняя зарплата брутто в польских фирмах с количеством рабочих мест более десяти в январе 2013 г. составила 3680 злотых. Из года в год она растет на 0,4% — во всяком случае, в последние десять лет. Реальная же зарплата сократилась на 1,3%». («Жечпосполита», 19 февр.)

- В январе «цены были только на 1,7% выше, чем год назад. (...) В экономике происходят процессы, тормозящие рост цен: темп роста ВВП снижается, инфляционный пресс постоянно слабеет, начинается ценовая конкуренция между производителями и торговцами, но во избежание дополнительных расходов им приходится снижать стоимость, не повышая зарплату, избавляясь от запасов». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborcza», 16-17 февр.)

- «У нас сейчас самая низкая в истории процентная ставка — Совет по денежно-кредитной политике снизил ее вчера на 50 базовых пунктов. Сейчас главная процентная ставка Национального банка Польши составляет 3,25%. Совет по денежно-кредитной политике заверил, что процесс либерализации финансовой политики не закончен». («Дзенник — Газета правна», 7 марта)
- «Почти на 108 млрд. злотых выросли наши финансовые запасы в прошлом году, достигнув 1,08 биллиона злотых. (...) В конце 2012 г. (...) сбережения наших граждан были на 11,6% выше, чем год назад». («Жечпосполита», 26 февр.)
- «Задолженность Государственному казначейству в конце 2012 г. достигла 794 млрд. злотых. В течение года долг вырос почти на 23 млрд. злотых (...) В последние пять лет долг ежегодно увеличивался на 10%. Зато в 2012 г. вырос только на неполные 3%». («Жечпосполита», 5 марта)
- «Министерство юстиции отказалось выделять средства на финансовую помощь бывшим деятелям оппозиции, терпящим нужду без систематической материальной поддержки. (...) И только помощь товарищей помогает активистам бывшей «Солидарности» кое-как сводить концы с концами». (Гражина Рашковская, «Жечпосполита», 5 марта)
- «По данным Евростата каждый третий ребенок в Польше на собственном опыте знает, что такое бедность. Согласно другим исследованиям каждый десятый ребенок недоедает. В свою очередь в отчете Millward Brown утверждается, что для 70 тыс. детей обед в школьной столовой — единственный прием пищи в течение дня». («Дзенник — Газета правна», 4 марта)
- «Почти 8% детей не едят по утрам завтрак и не приносят с собой еду в школу. (...) Более всего недоедают дети в возрасте от 6 до 12 лет. Это может означать, что всего по стране голодает целых 800 тыс. детей — следует из опубликованного вчера доклада «Голод и недоедание детей в Польше», подготовленного Исследовательским домом «Мейсон». («Жечпосполита», 26 февр.)
- «Растет количество преступлений против детей. В прошлом году насилию со стороны взрослых подверглось 4359 несовершеннолетних (на 130 человек больше, чем в 2011 г.). Участились случаи избиения женщин. (...) До девяти выросло число убитых детей (в прошлом году их было пять). («Жечпосполита», 6 марта)
- «При существующих тенденциях население Польши до 2020 г. сократится на миллион человек. (...) Но будь у нас на сегодняшний день на несколько миллионов жителей больше — какой с этого толк, раз мы не знаем, что с ними со всеми делать? Вместо 2-3 млн. нынешних безработных у нас таких было бы целых четыре, дополнительный миллион мы бы выдавили за границу и, несмотря на прирост населения, имели бы то, что имеем», — Марек Орамус. («Жечпосполита», 27 февр.)
- «259 777 трудовых мигрантов с восточной стороны, главным образом украинцев, легально прибыли в прошлом году в Польшу на заработки. Годом раньше их было 164 тысячи. (...) К этим официальным данным надо добавить огромную так называемую «серую сферу», где цифры тоже наверняка выросли. (...) «Польша, однако, ничего не делает, чтобы приехавшие остались здесь подольше», — говорит проф. Кристина Иглицкая, демограф, ректор Института Лазарского. (...) По ее мнению, Польша — это страна, относящаяся к мигрантам довольно жестко: сложно получить разрешение на пребывание и работу более чем на полгода, приезжим предлагаются в основном низкоквалифицированные формы занятости, а людям с высшим образованием приходится изрядно попотеть, чтобы юридически подтвердить свои дипломы. «В итоге они покидают Польшу и отправляются в Италию или Испанию (...)», — говорит Иглицкая». (Иоанна Чвек, «Жечпосполита», 4 марта, исправлено 6 марта)
- «Занимаясь бизнесом, я хочу брать в деловые поездки жену, которая одновременно работает моим помощником. Но ей, гражданке Камеруна, всюду необходимы визы. (...) Польского гражданства она будет ждать не меньше шести лет. (...) Если она обратится за разрешением на работу, мотивируя это замужеством, то получит разрешение самое большое на год. (...) Я не Депардьё и не собираюсь разбрасываться польским паспортом. Но, возможно, настало время пожить в другой стране. (...) За свою жизнь я организовал сотни рабочих мест, делал громадные инвестиции, позволил достойно провести отпуск почти миллиону поляков, так почему же я не могу взять на себя ответственность за одного иностранного гражданина? Я мог бы помочь сотне людей получить в Польше высшее образование вместе с шансом на лучшую жизнь, но бороться с ксенофобской польской бюрократической машиной уже не буду даже пытаться». (Записал Роберт Стефаницкий, «Газета wyborcza», 14 февр.)
- «Один из них либерал, а другой — махровый консерватор. Разница во взглядах, однако, не мешает им принадлежать к одной и той же партии («Гражданская платформа»). (...) В Польше было и есть только два

чернокожих политика. Один приехал из Нигерии, другой — из Замбии. (...) Киллион Мунзеле Муныма приехал в Польшу 30 лет назад. (...) В середине мая 1994 г. получил кандидатскую степень в Академии экономики в Познани. (...) Джон Абрахам Годсон появился в Польше за год до того, как Муныма защитил диссертацию. (...) В 2012 г. он окончил аспирантуру на факультете управления Лодзинского университета, параллельно защитил кандидатскую диссертацию на факультете журналистики и политических наук Варшавского университета. (...) Муныма (...) в 2002 г. (...) был избран в совет Гродзиского повята. (...) Годсон в 2008 г. — в городской совет Лодзи. (...) В Сейм он был избран уже во второй раз (29 832 голосов на парламентских выборах 2011 г.). Его коллега Муныма стал депутатом Сейма впервые (7 925 голосов)». (Якуб Щепанский, «Польска», 8-10 марта).

- «В учебный центр французской армии в Гвиане направлены бойцы спецназа из Люблинца, а также из гдыньского подразделения «Формоза» и краковского «Нила». Полученные навыки могут пригодиться солдатам, к примеру, во время операции в Мали». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 13 февр.)

- «Первая встреча руководства стран Вышеградской группы в таком большом составе. Вчера в Варшаву прибыли главы правительств Чехии, Словакии и Венгрии — Петр Нечас, Роберт Фицо и Виктор Орбан, а также канцлер ФРГ Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Олланд. Они обсуждали дальнейшее реформирование ЕС. Министры обороны стран Вышеградской группы подписали декларацию о создании вышеградской военной группировки. (...) Это будет одно из полутора десятков международных боевых соединений, созданных на базе вооруженных сил стран ЕС, которое в течение считанных дней можно будет перебросить в охваченный кризисом регион, находящийся на расстоянии не свыше 6 тыс. км». («Газета wyborcza», 7 марта)

- «На финансовую помощь за границе Польша выделила в этом году почти 2 млрд. злотых. Это почти на 50% больше, чем в прошлом году. Большая часть этих фондов пойдет в бюджет ЕС (часть взноса, предназначенная для участия в развивающих программах ЕС, составит около 1 млрд. злотых). Мы также планируем аннулировать долги Судана и Мозамбика (87 и 23 млн. долларов соответственно). Немало наших средств будет направлено на развитие международных организаций. (...) 17 млн. злотых получит белорусский телеканал «БелСат», 4 млн. злотых — белорусское же «Радио Рация» и «Европейское радио для Белоруссии». (...) 7 млн. злотых предназначено для Грузии на финансирование проектов, реализуемых НРО, а для Азербайджана — только 240 тыс. злотых (...) (продвижение демократии и борьба за права человека посредством нашего МИДа там явно бы не одобрили)». (Мачей Милош, «Дзенник — Газета правна», 20 февр.)

- «Польско-белорусский писатель Сократ Янович (...) скончался в воскресенье (...) в своем доме в Крынках. (...) Его произведения были переведены на английский, немецкий, итальянский и другие языки. (...) Вместе с Леоном Тарасевичем и Ежи Хмелевским он основал общество «Villa Sokrates», позднее ставшее фондом. В Крынках у него в гостях бывали знаменитые интеллектуалы со всего мира. Янович довольно резко отзывался о нарушениях прав белорусского меньшинства в Польше, а также о режиме Александра Лукашенко в Белоруссии». («Газета wyborcza», 19 февр.)

- «Мы хотим помочь Украине добиться важного конечного эффекта, которым стало бы подписание в ноябре этого года в Вильнюсе Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС с последующей ратификацией этого документа, — заявил президент Бронислав Коморовский после вильнюсской встречи с президентами Словакии и Украины». («Польска», 22-24 февр.)

- «Под Радомом будет сооружена имитация приграничной деревушки. Переодетые в форму УПА любители исторической реконструкции воспроизведут там события “волынской резни”». («Газета wyborcza», 1 марта)

- «“Я всегда считал Польшу стратегическим партнером Литвы”, — заверил вчера литовский премьер-министр Альгирдас Буткявичус после встречи с Дональдом Туском. (...) Туск, в свою очередь, признался, что польско-литовские отношения «существенно улучшились». На прошлой неделе (...) состоялась первая за четыре года встреча министров иностранных дел обеих стран. Накануне литовский министр встретился с родителями польских школьников, а премьер Буткявичус вместе с польским послом открыли в Вильнюсе выставку, посвященную восстанию 1863 года, а также навестил Солечники — польский уголок в Вильнюсском крае. Предыдущее правительство на такие жесты было явно не способно. Министр Линас Линкявичус пошел еще дальше (...) — извинился за то, что в апреле 2010 г. литовский парламент отклонил законопроект, позволявший полякам сохранять свои фамилии в их оригинальном написании». (Агнешка Филипяк, Бартош Т. Виленский, «Газета wyborcza», 13 февр.)

- «“Мы не разменивали свободу на сиюминутную выгоду”, (...) — напомнила президент Литвы Даля Грибаускайте во время торжеств по случаю Дня восстановления литовского государства. (...) Днем ранее она также заявила, что «малым народам, живущим рядом с большими, нелегко защищать свои интересы». «Мы должны находить себе бескорыстных друзей, для которых дружба не предполагает никаких взаимных условий»,

- заявила она. (...) Президент Бронислав Коморовский выступил вчера с весьма миролюбивым обращением: «Сегодня, когда мы реализуем самостоятельные государственные программы, руководствуемся каждый своими национальными интересами и приоритетами, движемся мы, тем не менее, в одном и том же направлении, принадлежим к одному и тому же демократическому сообществу, состоим и в НАТО, и в ЕС». (Из Вильнюса Агнешка Филипьяк, «Газета wyborcza», 18 февр.)
- «По заказу Центра диалога и согласия подготовлен доклад «Польша — Россия. Общественный диагноз-2013». (...) Для жителей России Польша и поляки — третьи по враждебности страна и народ после Литвы и США. В свою очередь, поляки относятся к России как к ментально и культурно наиболее далекому, а также наиболее опасному соседу. (...) Поляки, тем не менее, видят разницу между российским государством, к которому они относятся очень негативно, и его жителями, к которым испытывают гораздо больше симпатий. Для россиян подобное различие польского государства и польского же народа представляет гораздо большие трудности, да и отношение к Польше и полякам у них намного прохладнее. (...) Поляки и россияне приписывают друг другу противоположные черты характера. Россияне полагают, что им больше всего свойственны свободолюбие, открытость и смелость. Поляков же они считают предприимчивыми, религиозными, уважающими традиции и порядок. Сами поляки считают, что россиянам свойственна повышенная лояльность по отношению к любой, даже самой жесткой, власти, а среди своих положительных черт видят любовь к свободе, уважение семейных ценностей и традиций». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 5 марта)
  - «Польская сибиряда», выходящая на экраны в пятницу — это первый фильм о депортации поляков в 40-х годах XX века. (...) В 1940-1941 гг. на восток [в лагеря и спецпоселения. — Пер.] были вывезены около 400 тыс. поляков. (...) Создатели фильма (...) показали (...) непростые польско-русские отношения, одновременно рассказав историю изгнанников двух народов, связанных общей судьбой. (Барбара Холлендер, «Жечпосполита», 21 февр.)
  - ««В начале года на Подгалье приезжает около 50 тыс. гостей с той стороны нашей восточной границы. (...) Гурали их любят, так как те оставляют хорошие чаевые, обожают поразвлечься и вкусно поесть», — говорит Беата Залот, главный редактор «Тыгодника Подгальянского» (...) Тем временем в Закопане появляются вывески на русском языке, продавщицы легко переходят на русский. Случаются и богослужения по православному обряду. В каждом уважающем себя ресторане есть меню на русском языке». (...) «Гости из-за Буга потихоньку осваивают и территории вокруг Закопане», — повторяют работники отелей и владельцы агротуристических усадеб. (...) Гурали рады, что всё больше россиян, украинцев и белорусов приезжают не только в январе — их можно увидеть здесь практически круглый год». (Патриция Мациевич, Петр Сквировский, «Газета wyborcza», 5 марта)
  - «В Варшаве скончался Александр Гудзоватый. (...) В 90-е годы его фирма «Bartimrex» была самой крупной в Польше. (...) Свое состояние Гудзоватый заработал как посредник в газовых сделках между Польшей и Россией. (...) Он пользовался большим доверием тамошних властей. (...) Принимал участие в переговорах относительно строительства Ямальского газопровода, по которому сырье из России до сих пор поставляется в Польшу и Германию». («Жечпосполита», 15 февр.) В 2008 г. он заложил в Иерусалиме памятник Толерантности, в открытии которого участвовал бывший президент Польши Лех Валенса. (...) Затем разработал проект Всемирного центра толерантности в Иерусалиме и вместе с Иерусалимским фондом построил его — не дождавшись, однако, запланированного на май открытия». («Польска», 15-17 февр.)
  - «В понедельник организаторы дебатов о гражданском партнерстве испугались угроз националистов и отложили встречу, запланированную в Варшавском университете. В ней собирался принять участие один из депутатов Сейма — то есть фактически представитель высшей государственной власти. Это уже третья за последние несколько лет попытка националистов помешать проведению подобной встречи в высших учебных заведениях — на сей раз вполне успешная». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 27 февр.)
  - ««Национальное возрождение Польши» и футбольные фанаты (...) добились того, что в городской галерее Бюро художественных выставок во Вроцлаве не состоится показ работ Томаса Рафы, словацкого художника, который пытается запечатлеть развитие националистических движений в Европе. (...) Поводом для отказа от проведения выставки стало беспокойство за жизнь и здоровье посетителей». («Газета wyborcza», 28 февр.)
  - «Общество «Больше никогда» уже полтора десятка лет в так называемых «коричневых книгах» фиксирует «преступления, совершенные фашистами и крайне правыми, инциденты на почве расизма, ксенофобии, а также акты дискриминации, совершенные на территории Польши». Мартин Корнак, член организации, издал очередной такой сборник за 2011-2012 гг. (...) «Уровень насилия, безусловно, вырос, случаются даже убийства. В некоторых месяцах количество инцидентов по сравнению с предыдущими годами выросло на 30%, а в некоторых — на 20%. (...) «Национально-радикальный лагерь» и «Национальное возрождение Польши» организуют летние лагеря, в которых не только проводят идеологическую обработку, но и учат основам

кулачного боя и стрельбе из огнестрельного оружия. Крайне правые сообщества пропагандируют культ насилия и агрессии. (...) Вот отчет МВД о безопасности в Польше в 2011 г. (...) «В 2011 году в связи с преступлениями, совершенными на почве расизма либо ксенофобии, было возбуждено 272 новых дела». (...) По сравнению с 2010 годом количество возбужденных дел возросло на целых 86%». (Павел Речка, «Тыгодник повшехный», 10 марта)

• «Неужели покончено с дискриминацией по признаку цвета кожи, пола и национальности? Варшавская мэрия ввела специальную оговорку в договорах найма для лиц, управляющих клубами, театрами и гостиницами. (...) Бюро жилищной политики разработало антидискриминационную оговорку в договорах найма помещений. (...) Нарушения этих норм, подтвержденные решением суда либо повторяющимися жалобами, может стать основанием для расторжения договора найма». (Магдалена Дубровская, «Газета wyborcza», 6 марта)

• «Когда уже всем было известно, что я еврей, на улице мне попадались люди, которые спрашивали меня: «Что, нет денег уехать?» И что тут оставалось делать, скандалить? Драться, жаловаться в прокуратуру? Я переходил на другую сторону улицы, но не всегда успевал, и тогда приходилось всё это выслушивать. А это гробовое молчание, когдаходишь в помещение... Ну, и что вы думаете, каково мне было? Было ужасно обидно. Как-то в столовой (Люблинского католического университета) один профессор, священник, которого я очень уважал, вдруг начал говорить о «жидокоммунистической дряни», сыпать оскорблениями. (...) В том письме Папе Римскому я изложил два аргумента. Первый: он, Папа, — преемник еврея, а я — еврей. Второй: меня спасли лучшие представители польской нации, а он, Папа, — поляк. Собственно, по этим двум поводам я и написал Иоанну Павлу II. (...) В ответ я получил открытку (...) озаглавленную «Возлюбленному брату». Я всегда говорю, что это самый чудесный титул из всех, что мне присваивали в церкви, и сделал это сам Папа. (...) Он написал: «Буду молиться за твоих польских родителей и за то, чтобы ты нашел своих родителей-евреев», — о. Ромуальд Векснер-Вашкинель (Дариуш Росяк, «Жечпосполита», 23-24 февр.)

• «Годовщина восстания в варшавском гетто никогда еще не отмечалась с таким размахом. (...) В Варшаву приедет президент Израиля Шимон Перес и мэры европейских городов-побратимов. Специальным гостем станет живущий ныне в Израиле Симха Рафайзер-Ротем, один из последних ныне живущих участников восстания. Главные мероприятия начнутся 18 апреля — накануне 70 летия начала вооруженного сопротивления. Они продолжатся до 16 мая — дня, когда было подавлено восстание и разрушена Большая синагога. (...) 19 апреля на весь город раздастся гул сирен и звон церковных колоколов, а у памятника Героям гетто произойдет основное торжество с участием президентов Польши и Израиля. (...) После этого (...) члены официальных делегаций впервые посетят недавно построенный Музей польского еврейства. Остальные участники мероприятий пройдут Дорогой памяти, мученичества и борьбы евреев в сторону Умшлагплаца». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 2-3 февр.)

• «Свящ. проф. Анджей Марынярчик, возглавляющий кафедру метафизики Люблинского католического университета, дал пощечину польскому государству, заявив: «В своих тюремных дневниках примас Стефан Вышинский написал, что Болеслав Берут был первым человеком, отважившимся противопоставить страну Церкви. Подобного рода действия мы наблюдаем сегодня». («Наш дзенник», 9 августа 2012 года)», — о. Людвик Вишневецкий («Тыгодник повшехный», 10 марта)

• «Бюджетные поступления в Церковный фонд будут заменены добровольным церковным налогом. Переговоры между правительством и Церковью шли почти год, и в результате было решено, что теперь каждый верующий налогоплательщик при подаче декларации может попросить направить 0,5% от уже уплаченного им подоходного налога на нужды церкви. (...) Правительство предлагало, чтобы эта квота составила 0,3%, епископат настаивал на 0,8%. Этот новый порядок, в случае, если его одобрит правительство и конференция епископата Польши, начнет действовать с 2014 г.» (Иоанна Чвек, «Жечпосполита», 22 февр.)

• «Церквям — кроме католической — не нужны 0,5% добровольного церковного налога. (...) Вместо этого Церковь рассчитывает на законодательно закрепленную компенсацию. (...) Петр Кадльчик, председатель правления Союза еврейских религиозных общин Польши, задавался вопросом: «Что произойдет, если (...) окажется, что миноритарные церкви и религиозные организации не собрали достаточной суммы взносов? (...) Скептически настроены и священнослужители Евангелическо-аугсбургской и Евангелическо-методической Церквей». (Катажина Вишневецкая, «Газета wyborcza», 4 марта).

• «Комиссия этики Польской Академии наук решает, как отреагировать на слова свящ. проф. Франтишека Лоншана де Берье, который заявил: «Есть врачи, которым достаточно лишь взглянуть на лицо ребенка, чтобы сразу определить, что он был зачат в пробирке. Ибо на лице у такого ребенка есть морщина, характерная для генетически неразвитого типа человека». (...) Епископ Тадеуш Перонек, в свою очередь, сравнил таких детей с Франкенштейном, а архиепископ Юзеф Михалик назвал программу возмещения государством расходов на подобные операции «заказным убийством». «На этот раз, однако, свящ. де Берье использовал церковную

идеологию с целью осуждения других людей, перейдя таким образом, все мыслимые этические границы», — говорит профессор Ева Бартник. (Александра Павлицкая, «Ньюсуик-Польша», 4-10 марта)

- «Лица, в детстве пострадавшие от действий священников-педофилов, до сих пор, вопреки указаниям Ватикана и официальным заявлениям иерархов, не могут добиться справедливости. Епископы либо затягивают дело, либо молчат. В худшем же случае жертвы превращаются в обвиняемых. Именно так поступила консистория в Кошалине, прокомментировавшая в своем специальном заявлении дело Мартина К., подвергнувшегося в детстве сексуальным домогательствам о. Збигнева Р. из Колобжега. В конце прошлого года священник был осужден на два года лишения свободы за педофилию. Ранее Мартин К. безуспешно пытался привлечь внимание кошалинского церковного начальства к своей трагедии». (Майя Каим, «Ньюсуик-Польша», 4-10 марта)

- «Гданьское архиепископство должно вернуть 6,7 млн. злотых — проценты от суммы, выплаченной гданьским казначейством церковному издательству «Stella Maris», — решил в четверг окружной суд Гданьска. (...) Весной 2009 г. (...) казначейство подало в суд на архиепископство, заявив «о возврате незаконного обогащения за счет государства». (...) Судья Божена Матхей объявила о проведении закрытого судебного процесса по ходатайству представителя Церкви, не желавшего «информировать СМИ о механизмах некоторых финансовых операций, совершаемых архиепископством». Самое громкое уголовное дело (...) рассматривается в Гданьске уже четыре года. Обвиняемые (...) могут понести ответственность за присвоение 67 млн. злотых, а также отмывание денег и неполучение государством дохода в размере почти двух десятков миллионов злотых». (Гжегож Шаро, «Газета wyborcza», 15февр.)

- «Воровство и коррупция при строительстве польских дорог приняли фантастический размах. (...) Только сейчас стало очевидно, что дороги попросту разваливаются. (...) Бывший шеф Генеральной дирекции национальных дорог и автострад (ГДНДиА) уже задержан Агентством внутренней безопасности. (...) На скамье подсудимых оказалось 11 человек, главным образом, представителей крупнейших дорожных фирм. Бывшему директору силезского филиала ГДНДиА прокуратура Катовице инкриминирует получение взяток в размере почти 2 млн. злотых. (...) На автострате А2 возле Стрыкова пришлось разобрать почти 9 километров трассы и отстроить ее заново. В конце прошлого года стоимость ремонтно-исправительных работ составила 670 млн.злотых. (...) В Европе километр автостраты стоит около 10 миллионов евро. Километр варшавской кольцевой стоил 200 млн. злотых». (Мартин Ковальский, «Газета wyborcza», 1 марта).

- «Стремительнее всего в Польше ухудшается (...) качество сыра и масла. Это результат ценовой гонки между производителями и торговлей. В результате крупные торговые сети предлагают масло по цене почти 2 зл. за упаковку. (...) Известно, что производители этого продукта наполняют его пальмовым маслом, йогуртовой сывороткой, а иногда и коровьим жиром. (...) То же происходит и с сыром. Разве может такой сыр стоить в магазине 13-14 злотых (бывают и дешевле)?! Это скорее сыроподобный продукт (...) произведенный из пальмового масла, кукурузной муки или пшеничного крахмала». (Милош Венглевский, «Ньюсуик-Польша», 4-10 марта).

- «В пробах говядины, взятых на трех мясокомбинатах, выявлен лошадиный ДНК, — сообщила Главная ветеринарная инспекция. (...) Это комбинаты из Мазовецкого, Лодзинского и Варминьско-Мазурского воеводств. Они использовали мясо, которое заказывали у других фирм. (...) Дело направлено в прокуратуру». («Газета wyborcza», 1 марта).

- «Бизнесмен Владислав Камусинский «хвастался, что убивал по целому миру животных в общей сложности ста видов. Свою коллекцию он передал Национальному музею в Кельцах. Выставка уже несколько недель пользуется огромным интересом — приходят школьные экскурсии, дети с родителями, дедушки и бабушки с маленькими внуками. (...) Адам Вайрак: “Когда у тебя есть деньги, ты можешь спокойно ездить по миру и творить невообразимые гадости”». (Агнешка Косек, «Газета wyborcza», 26 февр.)

- «Тюрьма в Хайнувке уже шесть лет сотрудничает с местным приютом для животных. (...) Заключенные с небольшими сроками (...) работают в приюте. (...) Начальник тюрьмы майор Роман Пашко придумал реабилитационную программу для тех, кто не может покидать стены тюрьмы. (...) Сначала заключенные соглашались, просто рассчитывая на какую-то выгоду для себя. (...) Потом в них пробудилось сочувствие к бездомным собакам, да и самооценка резко повысилась. (...) Один из осужденных, участник первого года программы, теперь изучает зоопсихологию в Гданьске. (...) Тюрьма в Войковичах в Силезии была одним из трех исправительных учреждений, в которых использовалась реабилитационная программа для лиц, виновных в насилии над животными. (...) В приюте, куда, кроме собак и кошек, регулярно попадают лошади и даже овцы, свиньи и козы, осужденные к ограничению свободы работают в качестве волонтеров». (Агнешка Сова, «Политика», 27 февраля — 5 марта)

- «К восьми годам лишения свободы приговорил в четверг окружной суд Познани бывшего сенатора Хенрика Стоклоса (владельца сельхозпредприятия «Formutil H.S.» — В.К.). Он также должен заплатить 600 тыс. злотых штрафа. (...) Стоклоса был осужден за то, что в 1989-2005 гг. пользовался незаконными налоговыми льготами, полученными благодаря своим коррупционным связям с чиновниками казначейства». («Польска», 1-3 марта)
- «Идея Корпуса гражданской службы преследовала целью сделать наше чиновничество более цивилизованным и создать армию служащих, не участвующих в политике и работающих на благо общества и государства. (...) Увы, до этого так и не дошло, и благодаря общим усилиям очередных партийно-правительственных учреждений армия чиновников воспринимается как оккупант, издевающийся над гражданами. По-прежнему растет количество предприятий, разорившихся по милости чиновников, причем, как оказывалось позднее (точнее, слишком поздно!), разорившихся без всяких на то оснований». (Анджей К. Козьминский, «Жечпосполита», 19 февр.)
- «Поддержка партий: «Гражданская платформа» (ГП) — 32%, «Право и справедливость» (ПиС) — 30%, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 14%, «Движение Паликота» — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. По данным института «Homo homini». («Супер экспресс», 7 марта)
- «Почти 7300 (неправительственных) общественно-полезных организаций (ОПО) оказались в списке организаций, которые могут получать 1% подоходного налога физических лиц за 2012 год. (...) Растет и сумма, получаемая такими организациями при помощи данной льготы. Год назад, при налоговых расчетах с государством за 2011 год, общественные организации получили почти 460 млн. злотых. (...) Тем не менее поддержать какую-либо из ОПО при помощи своего 1% не решаются 57% налогоплательщиков. (...) Согласно последним подсчетам (...) 50 ОПО, которых чаще всего добровольно поддерживают налогоплательщики, получило в общей сложности свыше 250 млн. злотых, то есть свыше 55% от общей суммы, которая досталось ОПО в виде добровольной поддержки налогоплательщиков. Это значит, что (...) неполный один процент от общего числа ОПО получил почти половину той суммы, которая в рамках добровольной поддержки досталась всему общественному сектору. (...) Механизм «одного процента», вместо того чтобы поддерживать и развивать все ОПО, в первую очередь, однако, укрепляет позиции полутора десятка наиболее «раскрученных» общественных организаций — так оценивают ситуацию деятели ОПО». (Петр Сквировский, «Газета выборча», 6 марта)
- «Всепольский судебный совет с глубокой обеспокоенностью констатирует, что в последнее время в публичном пространстве все громче звучат голоса тех, кто (...) ставит под сомнение базовые конституционные принципы (...) независимости и самостоятельности судов. Звучат призывы вплотную заняться биографиями родственников судей, судебный корпус предлагается формировать на основе критериев, не предусмотренных законом, — и все это бьет непосредственно по независимости судей, подрывая основы существующего порядка». Это реакция на заявления правых политиков и попытки люстрации родственников судьи Игоря Тулеи, которые предпринимают правые СМИ. Поводом стал приговор, в котором Тулея сравнил методы работы Центрального антикоррупционного бюро и прокуратуры, которые у них в ходу с 2007 года, с методами «сталинских времен». («Газета выборча», 15 февр.)
- «Около 50 орудий пыток, демонстрируемых на 500 кв. метрах (...) Оригинальные экспонаты (...) Рядом с каждым — детальное описание и оригинальная гравюра, показывающая, как использовалось данное орудие. Выставку с невеселыми экспонатами посетило уже почти 10 млн. человек в 15 странах. Сейчас ее могут увидеть жители Варшавы (...) на улице Братской, 25. Обычный билет стоит 24 злотых, льготный — 19». («Польска», 1-3 марта)

2: БАЛЬЦЕРОВИЧ ЗНАЕТ, ЧТО НАМ НУЖНО СДЕЛАТЬ

«В еврозону можно войти хорошо или плохо. Чтобы войти хорошо, нужно провести реформы, которые и так Польше необходимы, дабы избежать постоянного замедления нашей экономики».

— **Министр финансов, а теперь вице-премьер Яцек Ростовский, говорит, что когда введут евро, то его, скорее всего, уже не будет в политике. Как долго еще, по вашим оценкам, продлится политическая карьера вице-преьера?**

— Его политическая карьера будет зависеть от успехов в правительственной деятельности. В связи с этим я желаю ему долгой политической карьеры.

— **В пятницу в министерство финансов на дебаты по поводу введение евро вы не пошли?**

— Я принципиально с определенного времени не участвую в официальных дебатах. Вообще словом «дебаты» часто злоупотребляют.

— **Касается ли это и заседания кабинетного совета по поводу евро, который на прошлой неделе собрал президент Коморовский?**

— У меня впечатление, что президент хорошо улавливает суть дела, связывая вопрос возможного вступления Польши в еврозону с вопросом реформ.

— **И оставляя вопрос сроков в стороне?**

— Я так понимаю то, о чем говорит Бронислав Коморовский — в отличие от тех, кто обсуждает проблему евро в категориях, как говорят, политических. Причем слово «политический» означает в этом контексте...

— **...что либо мы принимаем, либо не принимаем.**

— Это тоже. Или что создается некое ядро. И это ядро от нас ускользает, а мы должны его догнать и попасть в него.

— **Между тем две трети поляков не хотят введения евро.**

— Катастрофические известия из некоторых стран еврозоны людей от этого отталкивают. Поэтому я считаю, что, проводя теперь пропаганду евро, мы лишь укрепим позиции противников. К тому же при такой политической постановке вопроса из поля зрения исчезают наиболее важные вещи: что в еврозоне существуют разные группы стран и что можно в нее войти хорошо или плохо. Чтобы войти хорошо, нужно провести реформы, которые и так Польше необходимы, дабы избежать постоянного замедления нашей экономики. Ведь без дальнейших реформ ослабеют или останутся слабыми три главные силы развития: снизится занятость, сохранится низкое участие инвестиций в ВВП, а также падающий уже несколько лет темп роста эффективности. Мне кажется шокирующим то, что эта тема практически не затрагивается в дискуссиях политиков. Ни этих, из правительства, ни из оппозиции.

— **Вы еще чего-то ожидаете от нашей оппозиции?**

— Я считаю, что от оппозиции нужно требовать, чтобы она не ограничивалась перебранкой, а ставила существенные проблемы Польши и предлагала какие-нибудь решения.

— **Наша самая большая экономическая проблема — это политика?**

— В основе экономических проблем всегда лежит политика! Как в Греции — это политика увеличения социальных расходов ценой растущего долга, а также расширение администрации с тем, чтобы раздать места своим, при одновременной парализации экономики посредством различных регуляций, коррупции, недостатка конкуренции... Другой случай — это Италия, у которой большой долг и стагнация, так как там не проводили реформ, которые бы оздоровили экономику и привели к росту занятости. Они не сделали того, что сделала Германия десять лет тому назад. А третий пример этих патологий — это доведение до кредитного пузыря, взрыв которого превращает в черную дыру хорошие на первый взгляд результаты в публичных финансах.

— **Как в Испании или Ирландии...**

— И если мы посмотрим на еврозону, то видно, что те страны, в которых проводилась плохая экономическая политика, нажили себе проблемы. А те, кто вел в меру хорошую политику, не знают таких неприятностей. Как Германия, Финляндия, Голландия... Внутри еврозоны экономическая ситуация весьма неоднородна.

— **В зависимости от качества проводимой политики?**

— Ну, конечно. Это значит, что евро только для сильных.

— **Не для нас?**

— Ну что ж, у нас нет постоянно оздоравливаемых публичных финансов. Нам также предстоит осуществить многое, если речь идет об эластичности рынка труда и если мы говорим о том, чтобы избежать стагнационных тенденций в экономике.

— Когда мы копим себе разнообразные причины компрометации — а это и полоса на аэродроме в Модлине, и недостроенные автострады, и очередной миллиард, который вбухивают в Лодзи в гигантский вокзал, закопанный глубоко под землей, — для меня из этого следует лишь одно: наши политики с евро в руках будут как обезьяна с гранатой.

— Вместо того чтобы рисовать такие отталкивающие картины, лучше подтолкнуть — но не к спору о сроках предполагаемого вступления в еврозону, а к тому, чтобы повлиять на реформы. Но, возвращаясь к вашему перечню несчастий, где это главным образом происходит? В публичном секторе. То есть там, где окончательные решения принимают политики и связанные с ними чиновники. И из этого следует делать выводы. Где только возможно, публичный сектор нужно сократить. Там, где не получится приватизировать, нужно создавать давление, чтобы преодолеть то, что я называю культурой безответственности. Особенно яркий пример культуры безответственности — это прокуроры, которые преследовали людей без надлежащих доказательств и многим сломали жизнь, оставляя их в течение нескольких лет под обвинением, держа под арестом... Почему до сих пор у нас нет на эту тему ни одного порядочного официального анализа? Сколько было таких случаев и что случилось с прокурорами, которые покалечили людям жизни? Повлияло ли это как-нибудь на их профессиональную карьеру?

— Это к кому вопросы?

— К генеральному прокурору! Это его моральная обязанность — проанализировать эти случаи и представить общественному мнению вытекающие из этого выводы и в том числе системные реформы, которые сведут к минимуму число подобных ситуаций. Другой пример — это «Лёт» [польская авиакомпания], многократно финансируемый, поддерживаемый ценой сотен миллионов злотых. Правительство должно представить анализ ситуации, почему так случилось. Оно обязано сообщить фамилии членов сменявшихся контрольных советов, информировать, понесли ли они какие-нибудь последствия. Оно должно назвать фамилии вице-министров финансов, которые контролировали «Лёт», и отчитаться, что с ними стало.

— Должна быть белая книга, зеленая книга, бежевая книга: в случае инфраструктурных инвестиций, в случае прокуратуры, здоровья, «Лёта» и так далее. Но их нет. И что с этим делать?

— Это можно изменить только благодаря гражданскому давлению. Поскольку каждая политическая власть поддается воздействиям тех, кто защищает привилегии или права приносить вред. Если нет достойного противовеса, то кому уступят те, что правят? Конечно, группам претензий, которые скажут: «Не трогай, сохраняя пенсионные привилегии, сохраняя привилегии, если речь идет о больничных пособиях (у одних 100%, а у других — 80), не трогай «Польские железные дороги», хотя у компании большие долги». И так далее. Единственное решение, которое имеет шансы на эффективность, — создать более сильные противодействующие группы — назовем их гражданскими. Я стараюсь именно это и делать. И лично, и через Форум гражданского развития.

— Те проблемы, которые вы считаете важными, политики обходят стороной, усиливая темы, к примеру, бытового характера или касающиеся смоленской катастрофы. Они обходят их стороной, поскольку эти проблемы для них слишком сложные?

— Потому что обойти стороной — это пока менее рискованно, чем решать. Это значит, что мы слишком мало воздействуем на разумные решения. Вот один из самых характерных примеров: в Польше частный капитал строит квартиры для богатых, то есть в собственность, и не строит квартир для более бедных, то есть в наем. Потому что абсурдный закон об охране съемщиков делает это нерентабельным. И вдобавок этот наглядный пример антиобщественного регулирования был введен под девизом охраны слабых! В результате многие бедные люди добираются часами, например, до Варшавы, так как там слишком мало дешевых квартир для съема.

— Вы правда считаете, что в этом правительстве никто не пробует решить никаких проблем?

— Этого я не сказал. Но вы взгляните на Экономический совет при премьере Польши. Припоминаете ли вы, чтобы они когда-либо систематически занимались тем, что может случиться в более отдаленной перспективе, а главным образом — угрозами для развития польской экономики? Я чего-то такого не нашел. Это значит, что они не занимаются проблемой, наиболее важной для Польши. И это следует адресовать к председателю совета, то есть Яну Кшиштофу Белецкому. Потому что он несет за это моральную ответственность. Вероятно, что...

— Что?

— Устав совета гласит, что он не должен заниматься тем, что вносит премьер. И в таком случае эта моральная ответственность становится выше.

— Политики «Платформы» говорят, что не могут проводить реформы, так как проиграны выборы. Потому что поляки реформ не хотят.

— А что с Польшей? А если от отсутствия реформ начнут осуществляться худшие экономические сценарии? Какими тогда будут политические шансы тех, кого станут обвинять в бездействии? Проиграть выборы, когда предпринимались попытки что-то сделать, но это не было принято избирателями, — это меньшая моральная ответственность, чем проиграть выборы из-за того, что не делалось то, что было нужно стране. Как в спорте, так и в политике следует стремиться к успеху, но при этом думать: а если бы я проиграл, то каким образом? С какой моральной ответственностью?

— Моральная ответственность за приведение к власти Ярослава Качинского тоже может быть гигантской?

— И за приведение его к власти за счет отказа от восстановительной деятельности.

— Что это значит — моральная ответственность?

— Это оценка, голос совести, но также и ответственность информированной части общественного мнения. Я опасаясь, что часть политиков вообще не сознают, что несут моральную ответственность за действия и отказ от них.

— Но почему мы весь подъем страны должны связывать с евро? Возникает такое ощущение: нам необходимо проводить реформы, потому что этого от нас требует Брюссель.

— У меня впечатление, что всё на самом деле хуже. Большинство участников дискуссии по поводу евро вообще не соотносит, что для того, чтобы иметь возможность хорошо войти в еврозону, нужно прежде всего сделать вещи, которые нам и так необходимы для развития, — это значит, нужно их сделать, даже если бы евро не существовало. С одной стороны, у нас идет так называемая политическая дискуссия о евро, а с другой — страшно недостает разговора о том, как избежать негативного сценария для Польши. Нам грозит то, что мы будем только сезонным зеленым островом, а рост нашей экономики будет всё более медленным. А это значит: во-первых, что условия жизни миллионов людей будут улучшаться медленней, во-вторых, позиции Польши в мире не будут укрепляться, а возможно, будут слабеть. В-третьих, сохранятся серьезные стимулы для массовой эмиграции из Польши. Потому что единственный способ остановить миграцию из бедной страны в более богатую — это сделать так, чтобы бедная страна избавлялась от недоимок. Меня в публичных дискуссиях поражает то, что почти всё воспринимается разрозненно. Скорбят, что молодые поляки эмигрируют, но никто из этих скорбящих не скажет: мы должны ускорить реформы, чтобы Польша устраняла пробелы в плане уровня жизни и чтобы поток эмиграции благодаря этому стал меньше. Польские политические дебаты в большинстве своем — это театр абсурда! Я делаю из этого только тот вывод, что необходимо намного более сильное гражданское давление на всю партийную систему, чтобы мы перестали расплачиваться за бездействие и эту халтуру.

А может, сейчас лучше поговорим немного о свободе? (Лешек Бальцерович поднимает лежащий перед ним толстый том «Открывая свободу» — избранные эссе, которые он издал в конце прошлого года.) В эту книгу я включил 50 очерков, одновременно и глубоких, и очень понятных, авторов от классиков, как Адам Смит или Токвиль, до современников, как Лешек Колаковский. Я считаю ее необыкновенно нужной, чтобы сделать сложнее жизнь демагогам.

— Это наша самая большая проблема, что у нас слишком мало свободы?

— В демократической жизни ситуация такова, что самые важные понятия, без которых мы не можем обойтись: свобода, государство, демократия, собственность, права — обременены багажом недоразумений или манипуляций. Это парадокс, что многие интеллектуалы враждебно настроены к экономической свободе. А это та свобода, от которой зависит, отстаёт страна или развивается: свобода предпринимательства, практической деятельности, рыночных сделок. И если штатные интеллектуальные группы и притязания групп интересов перевешивают в рамках демократии, то кончится это несчастьем. Как в Италии или Греции. В Польше особенно важно, чтобы мы избежали таких сценариев, так как мы находимся только на полпути. Мы просто не можем позволить себе такие глупости.

3: ОТКУДА ЗЛО?

1943 год на Волыни. Как об этом говорить? От рук украинцев, подчас жестоко убитые, гибли поляки, прежде всего гражданское население. Поляки в отместку или в качестве упреждающей меры (хотя и не в таком масштабе) сжигали украинские села и убивали. Много в этих двух фразах помещается зла и страдания, которые и сейчас вызывают такие сильные эмоции.

Представляется, что вторая половина XX века, особенно последнее десятилетие и начало XXI века, — это, кроме прочего, время признаний. Трудных, однако полезных. В свою очередь удивительно, как долго могли мы жить как ни в чем не бывало с неразрешенными, неназванными проблемами — польско-еврейскими, польско-немецкими, польско-русскими. И вот постепенно каждая из них как-то находит свой собственный язык, которым можно что-то объяснить, в чем-то признаться, поговорить по-человечески. Преодолевая нежелание и подчас страшные пережитки прошлого.

Пожалуй, ужасней всего выглядят счета взаимных обид в отношениях польско-украинских. Многовековые пережитки, окаменелые пласты скорби, страданий и гнева продолжают существовать, усиливаемые литературой, явными или скрытыми политическими манипуляциями, замалчиваниями.

Последние представляют собой наибольшее искушение: забыть, не вспоминать, обратиться к человеку, к сегодняшнему дню, к искусству, бизнесу. Можно и так, однако рано или поздно история напомнит о себе, выйдет из укрытия и потребует своего. Но, с другой стороны, задумаемся, какой правды ждут, какой правды хотят оба народа. Например, лучше ли будет узнать, что убийства происходили организованно, по приказу, или что они носили стихийный характер?

Повторюсь: не знаю, как об этом говорить. В 1994 г., когда мы организовали в Подкове-Лесной (центр «Карта» и местный культурный центр) одну из первых встреч польских и украинских историков, мы назвали ее «Поляки и украинцы. 1918-1948. Трудные вопросы». Вопросы действительно оказались трудными, но позднее под тем же названием состоялось еще несколько семинаров. Важно, что нужны они были не только историкам, но и бывшим солдатам Армии Крайовой с Волыни. Вопросы не перестали быть трудными, но результаты встреч людей доброй воли, ученых, тщательно изучающих источники, заметны. Только не доходят до общественного сознания. Тем полякам, которые жаждут перманентного раскаяния за 1943 год, прежде всего следует напомнить заявление, сделанное в 2006 г. историком Леонидом Зашкильняком, профессором Киево-Могилянской академии: «После 12 семинаров ответ для всех нас уже понятен: антипольская операция была, организатор известен, жертвы очевидны. Что еще мы должны сделать? Ясно, что много. Но я считаю, что украинские историки уже рассказали об этом — об антипольской акции. И, наверное, мы не можем за это отвечать; в конце концов, мы не прокуроры, не судьи, но мы рассказали, что антипольская акция была, что она была организована ОУН и УПА, это все уже понятно. Неужели нужно к этому постоянно возвращаться?»